
УДК 7.034

DOI: 10.31249/hoc/2025.04.04

Шаповалова Е.В.*

**ОСАДА МЕЦА (1552 г.) В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕРЦОГА
ФРАНЦИСКА ДЕ ГИЗА[®]**

Аннотация. Статья посвящена одному из значимых событий войн Франции с императором Карлом V: обороне Меца, имевшей как практическое, так и символическое значение в контексте противостояния «христианнейшего короля» и императора. Возглавивший защиту Меца Франциск Лотарингский, герцог де Гиз, видел в этом возможность не только послужить короне, но и, в случае победы, усилить собственные политические позиции при дворе. Источники демонстрируют, как герцог сочетал прагматичное отношение к ведению дел со стремлением создать должное впечатление и насколько внимательно относился к своему публичному образу. Успешная оборона Меца стала одним из ключевых событий, прославивших полководца.

Ключевые слова: Франциск де Гиз; Мец; Лотарингия; Генрих II; французское искусство XVI в.

Поступила: 03.06.2025

Принята к печати: 29.08.2025

Для цитирования: Шаповалова Е.В. Осада Меца (1552 г.) в репрезентации герцога Франциска де Гиза // Вестник культурологии. – 2025. – № 4 (115). – С. 71–89. – DOI: 10.31249/hoc/2025.04.04

* **Шаповалова Елена Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e.sokhina@gmail.com;

Shapovalova Elena Vladimirovna – PhD in History, Associate Professor at the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; e.sokhina@gmail.com

© Шаповалова Е.В., 2025

Shapovalova E.V.

The Siege of Metz (1552) in the Representation of Duke François de Guise

Abstract. The article is devoted to one of the most significant battles of France with Emperor Charles V. It is about the defence of Metz, which had both practical and symbolic significance in the context of the confrontation between the ‘Most Christian King’ and the Emperor. Francis of Lorraine, Duke de Guise, who led the defence of Metz, saw it as an opportunity not only to serve the crown but also, if victorious, to strengthen his political position at court. The sources demonstrate how the duke combined a pragmatic attitude to the conduct of affairs with a desire to create the right impression and how careful he was about his public image. The successful defence of Metz was one of the key events that made the commander famous.

Keywords: François de Guise; Metz; Lorraine; Henri II; 16th-century French art.

Received: 03.06.2025

Accepted: 29.08.2025

For quoting: Shapovalova E.V. The Siege of Metz (1552) in the Representation of Duke François de Guise// Herald of Culturology. – 2025. – No.4 (115). – P. 71–89. DOI: 10.31249/hoc/2025.04.04

Оборона Меца французами в ходе наступления войск императора Карла V (1500–1558), длившаяся с октября 1552 г. по январь 1553 г., имела большое политическое значение для французской монархии в XVI в., став, по сути, образом противостояния «христианнейшего короля» и Империи, а в последующие эпохи служила примером одной из доблестных побед, получив воплощение, в частности, в визуальной культуре. Мец¹ был занят армией короля Генриха II (1519–1559), «защитника германских свобод»², в контексте заключенного им договора с немецкими князьями, противниками императора³.

Отношения с Карлом V городов, зависящих от империи, были далеки от идеальных. В частности, речь идет о недостаточности защиты и финансовых вопросах [Klipffel, 1867, p. 323]. Не менее важным для Меца был вопрос вольностей города, которые он последовательно отстаивал [ibid., p. 324]. В то же время гарантии императора позволяли городу сохранять баланс в отношениях с феодалами [ibid., p. 326]. Продолжительное время Мец также на-

ходился в числе интересов герцогов Лотарингии. В частности, Рене Анжуйский (1409–1480) при поддержке короля Франции Карла VII начал наступление на город в 1444 г. [Klipffel, 1867, p. 353], Рене II Лотарингский (1451–1508) также не оставлял попыток его подчинить [ibid., p. 363]. С 20-х годов XVI в. в городе начали распространяться идеи реформы⁴. Однако в итоге внутренние противоречия лишь ослабили город [ibid., p. 374]. Говоря об обстоятельствах захвата Меца французами, современники отмечали как противостояние внутри города, так и связь отдельных влиятельных лиц с французским двором, что обеспечило их лояльность Генриху II [ibid., p. 376–377]⁵. В апреле 1552 г. король Франции занимает город, принимая его присягу на верность. Реакция императора не заставила себя ждать⁶, так что уже к осени 1552 г. стало очевидно, что осады Меца не избежать⁷.

Для Франции подобное противостояние имело принципиальное значение. Французская корона поддерживала идеи о мессианском характере и харизме своей власти, развивая сложившийся в предшествующие эпохи тезис, что короли Франции – императоры в своем королевстве [Шишкин, 2018, с. 147]. Предшествующий этап Итальянских войн (1542–1546) завершился переговорами, однако Габсбурги продолжали рассматриваться как основные противники королевства. Говоря о Генрихе II, нельзя упускать и личный фактор – продолжительное пребывание тогда еще юного принца в плену у императора после поражения короля Франциска I в битве при Павии в 1525 г.⁸ На гравюре Джулио Кловियो, изображающей Аллегорию правления Карла V (рис. 1), французский король представлен в числе поверженных врагов императора, наряду с Римским папой Климентом VII, султаном Сулейманом и германскими князьями. Учитывая, какое значение придавал публичному образу французской монархии сам Франциск I, неудивительно, что в репрезентации его сына и преемника антигабсбургская политика получила свое развитие. Ситуация усугублялась еще и сложными отношениями с Римским престолом. В начале 50-х гг. в очередной раз встал вопрос о верховенстве в делах галликанской церкви⁹. Таким образом, можно предположить, что в подобном контексте, вне зависимости от тактического и стратегического значения успешной обороны Меца, принципиальное значение имела сама победа французов.

Рис. 1. Джулио Кловियो. Аллегория правления Карла V, ок. 1556 г. Британская библиотека

По мнению автора «Истории Гражданских войн во Франции» Давилы¹⁰, все трудности, связанные с удержанием Меца, были очевидны. В частности, коннетабль Анн де Монморанси¹¹ в этом вопросе проявил достаточную осторожность и, «желая скорее оставаться при особе Короля, чем подвергать добытую славу новым опасностям, казалось, безмолвно отклонял это бремя» [Энрико Катерино Давила, 2023, с. 19]. В то же время герцог Франциск де Гиз видел в складывающихся обстоятельствах возможность не только приумножить военную славу, но и усилить собственное положение при дворе. В том числе, превзойдя коннетабля [там же, с. 19]. В итоге оборона города была поручена королем именно ему.

В описании Амбруаза Паре, которому пришлось пробираться в Мец уже в ходе осады, мы видим образ горящих вокруг города костров, создававших впечатление, будто вся земля вокруг города объята пламенем¹². Когда уже после победы к этому сюжету обратится Пьер де Ронсар, он также представит художественное описание, в котором армия императора будет надвигаться на Мец подобно порождению хтонических сил, подгоняемых раскатами грома¹³. И в том, и в другом случае чувствуется опасность положения защитников города. Под натиском превосходящих сил противника и сам герцог де Гиз осознает необходимость всячески поддерживать дух своих людей. О положении вещей он подро-

нейшим образом информирует двор, словно стремясь избежать ситуации, в которой его решения могли бы быть неверно истолкованы. Все это находит отражение в его письмах, являющихся одним из интереснейших источников для данного сюжета [Durot, 2022, р. 183]. В частности, из письма герцога от 10 октября 1552 г. мы узнаем о сложностях в возведении укреплений¹⁴. Это объяснялось его решением снести предместья, включая религиозные объекты [ibid., р. 184]. В том числе, речь шла о переносе захоронений Каролингов¹⁵. В итоге он осуществил то, что считал необходимым для успешной обороны (рис. 2).

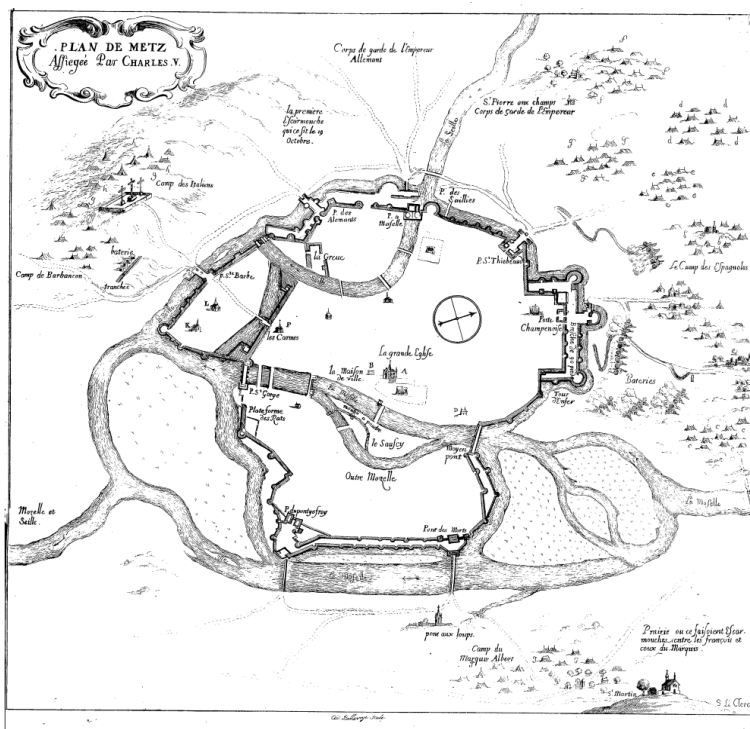

Рис. 2. План Меца 1552 г. Приводится по: Journal du siège de Metz en 1552: documents relatifs à l'organisation de l'armée de l'empereur Charles-Quint et à ses travaux devant cette place, et description des médailles frappées à l'occasion de la levée du siège, Metz, 1856

В организованных им работах, по свидетельству Амбруаза Паре, по мере возможностей участвовали все находившиеся в городе, включая принцев. Паре подчеркивает сплоченность горожан, когда каждый помогал чем мог¹⁶. По мнению Эрика Дюро, ситуация вызывала аллюзию на историю Давида и Голиафа [Durot, 2022, р. 185]. Хотя численность людей де Гиза была намного меньше, он неизменно подчеркивает моральный дух защитников города, как и собственные намерения либо одержать победу, либо погибнуть в Меце. Своим бесстрашием де Гиз был подобен Баярду [ibid., р. 190]. В числе прочих проводилась параллель образа герцога с Цезарем [ibid., р. 191]. Так что в репрезентации его публичного образа мы видим следование общим ренессансным тенденциям. В то же время это и вполне рациональный подход. Столь же рациональный, как и решения де Гиза в военных делах, которые он никогда не оставлял на волю случая [ibid., р. 191].

После отступления императора герцог демонстрирует еще одно свое качество: отправляет Амбруаза Паре и других хирургов позаботиться об оставленных раненых противниках¹⁷. Таким образом, победа французов в Меце становится еще и символом превосходства духа и благородства.

Успех в Меце для французской монархии становится моментом триумфа, равно как и для самого де Гиза. В честь обороны города выпускаются медали с изображениями короля Генриха II и герцога (рис. 3).

Рис. 3. Памятная медаль, отчеканенная в честь обороны Меца (1552 г.), бронза, 52 мм. Частная коллекция

По мнению Шарля Робера, личные качества обоих как нельзя лучше подходили для того, чтобы быть увековеченными ренессансными мастерами [Robert, 1874, p. 420]. Медалей было выпущено пять: три – от лица короля, две – от лица герцога¹⁸. Однако роль де Гиза в кампании отмечалась и в первом случае: так, например, на реверсе одной из медалей с портретом короля мы видим надпись: *MET LIBER OBSID CAR V IMPET GERM OPPVG FRANC A LOTHOR DVCE GVIS FOELICIS PROPVG 1552*¹⁹. На одной из медалей, отчеканенных от лица самого герцога, на реверсе изображена панорама города (рис. 3), где представлены его защитники, а на крепостной стене (в левой части изображения) возвышается фигура воина. Латинская надпись гласит: *HAEC TIBI META* – «это твоя цель». Робер обращает внимание также на их датировку. Учитывая, что образ обороны Меца использовался во французской визуальной культуре в последующие эпохи, ряд медалей, посвященных этому событию, содержит указание на 1553 год²⁰. Робер подчеркивает их более позднее создание, поскольку сражение за Мец произошло до установления во Франции отсчета нового года с 1 января и медали, отчеканенные непосредственно после победы, датируются 1552 г. [ibid., p. 422].

В 1553 г. герцог приобретает в Париже на правом берегу Отель де Клиссон²¹, где задумывает устроить главную резиденцию семьи. Учитывая влияние де Гиза при дворе, возводимый Отель де Гиз должен был служить дальнейшему прославлению как Лотарингского дома, так и герцога лично. И победа в Меце как нельзя лучше способствовала поддержанию публичного образа полководца, сочетая как политические, так и христианские коннотации²². Поражение императора интерпретировалось как торжество «христианнейшего короля». Так, после победы горожане приветствовали «Генриха Второго, Короля Галлии, защитника города» [Dugot, 2012, p. 309]. Христианнейший король своим мечом призван восстановить христианский мир [ibid., p. 324]. Учитывая, что еще в эпоху Франциска I популярность приобретает сборник пророчеств *Mirabilis Liber*, где на фигуру короля производится перенос идей предшествующих эпох об избранности французской монархии, образа «второго Карла Великого», предназначение «войти в Иерусалим», предсказывается сражение между «христианами и язычниками» за Иерусалим²³ – все это не только вводит апокалиптические мотивы, но и отсылает к теме Крестовых походов. Весьма примечательно, что для своей новой резиденции Франциск де Гиз заказывает Франческо Приматиччо роспись капеллы, пред-

ставляющую сюжет «Поклонение волхвов». Принято считать, что в образе одного из волхвов выступает²⁴ сам герцог и это первое во французском искусстве изображение в качестве волхва представителя неправящего дома²⁵. Поклонение волхвов занимало верхний регистр росписи стен²⁶ по всему периметру капеллы.

Политизированность данного сюжета в немецком и итальянском искусстве позволяет предположить, что выбор заказчика учитывал ожидаемые аллюзии. Это и лидерство герцога в делах католической веры, и полемика с протестантами по поводу культа волхвов, а также триумфальные мотивы. Шествие, следуя уже сложившейся традиции, напоминает возвращение из похода. Многочисленные тяжелые сундуки, наполненные то ли дарами, то ли трофеями, роскошные одежды персонажей, экзотические животные. Эрик Дюро связывает роспись капеллы в Отеле де Гиз непосредственно с победой в Меце [Durot 2022, p. 192], и в то же время это развитие более общей темы избранности Лотарингского дома. Перед нами аллюзия на реальную армию, которой командовал де Гиз, и не только в Меце. А параллель с Годфруа де Буйоном²⁷, появляющаяся в текстах, в частности, у Ронсара²⁸, позволяет говорить об интерпретации военных кампаний Гиза в христианском ключе. В политическом измерении сюжет на тему шествия волхвов представляется чрезвычайно удачным: волхвы первыми приходят к Христу, воины Годфруа первыми достигают Иерусалима, Гизы – первые защитники веры [Durot, 2012, p. 8].

Религиозные мотивы активно использовались представителями Лотарингского дома и до Франциска де Гиза. Прежде всего, следует отметить, что в религиозном ключе интерпретировались сражения его отца, Клода де Гиза, в которых он выступает верным соратником своего старшего брата, герцога Антуана Доброго²⁹. Причем подавление восстания в Эльзасе интерпретируется как борьба с ересью, новый Крестовый поход, прежде всего, в сочинениях современника событий, видного деятеля при дворе Лотарингского герцога Антуана, Николя Вольсира де Серрувиля. Автором иллюстраций сочинений Вольсира выступил Габриэль Сальмон, у которого появляется устойчивый мотив аллегории Веры с поверженным драконом – гидрой ереси [Cullière, 2010, p. 5]. Данное изображение используется им как для иллюстрации «дела Шатлена», так и в качестве аллегории сражений Лотарингских принцев, от частного случая к более широкой проблеме [ibid., p. 7]. Обращает на себя внимание выбор фрагментов текста Вольсира, которые иллюстрирует Сальмон. В частности, паломничество Лота-

рингских принцев к базилике св. Николая³⁰ – этот фрагмент акцентирован гравюрой с изображением святого. В 1553 г. Ронсар развивает мотив Крестового похода в своем прославлении Франциска де Гиза³¹. Геркулес, Давид, Цезарь, Годфруа – образный ряд довольно устойчив и соответствует как общим ренессансным тенденциям, так и тону, задаваемому королевской властью. Не обходится он, конечно, и без упоминания Трои.

Триумфальные мотивы представлены в изображении Лотарингского дома (фактически семейном портрете Гизов) в работе Леонара Лимозена³². Наряду с подобным аллегорическим способом репрезентации, в котором традиционно подчеркивается статус герцога как полководца (без акцента на конкретные победы) и защитника веры, создавались изображения, выполненные в более реалистичной манере³³. Однако символический ряд присутствует и в них. В частности, в символике цвета и ткани костюма.

На портретах мы видим преимущественно темные тона или сочетание контрастных светлых и темных цветов³⁴ (рис. 4–5), что вполне соответствует манере изображения короля, принятой в тот же период и задававшей тон для портретов аристократии. Двор был зеркалом королевского величия [Garrisson, 1991, p. 214]. И основная задача мастера в эту эпоху – не раскрывать характер персонажа, а наделять портрет чертами репрезентативности [Петрусевич, 1973, с. 162]. Придворный костюм в это время был настоящим искусством, в котором учитывалось как сочетание тканей, так и символика цвета – каждый элемент служил свидетельством высокого статуса его владельца [Meiss-Even, 2013, p. 98]. Согласно описаниям, герцог предпочитал одеваться дорого³⁵, элегантно, но при этом не вызывающе, что соответствовало, прежде всего, его положению, а также следовал общим тенденциям [ibid., p. 96]. Имел место и религиозный аспект цветовой гаммы, и если «аристократический черный», пусть и отличающийся от более тусклого оттенка, который предпочитали протестанты, не имел прямых отсылок к католицизму, то красный ассоциировался с папством. Франциск де Гиз в одежде предпочитал и насыщенный черный, и красный цвета.

Рис. 4. Портрет Франциска Лотарингского. Мастерская Франсуа Клуэ, ок. 1562 г. Дерево, масло, 32×24 см. Частная коллекция³⁶

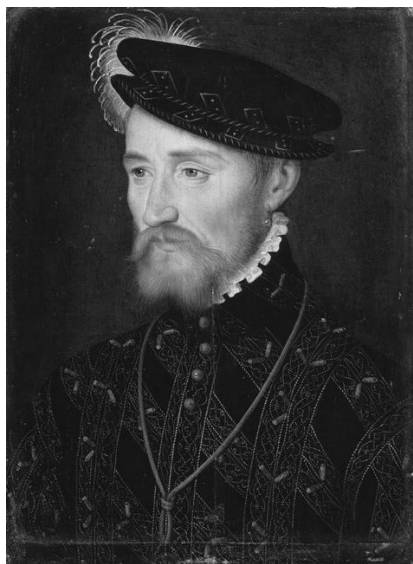

Рис. 5. Франсуа Клуэ. Франциск Лотарингский, 2-й герцог де Гиз, ок. 1550-1560. Дерево, масло, 31×23 см. Лувр

Немаловажным также представляется внимание де Гиза к статусным деталям своего публичного образа. Так, в июне 1550 г. Антуанетта де Бурбон пишет сыну о подготовке церемоний в честь его отца³⁷, обсуждая выбор тканей и Иерусалимский крест в качестве подходящего символа³⁸. Еще одно свидетельство того, какое значение имел «визуальный язык» при дворе Валуа [ibid., p. 93]. Так или иначе, в своем прославлении героического поведения герцога во время осады Меца Ронсар не случайно уделяет внимание его внешнему облику. В частности, описывая, вплоть до мелочей, великолепные доспехи де Гиза. Серебро и золото, богатый символический орнамент – по мнению Ронсара, все это подчеркивало величие полководца и вписывало его в ряд христианских воинов, уподобляя тем, кого папа Урбан призвал к освобождению Иерусалима³⁹.

Таким образом, развитие репрезентации Франциска де Гиза в подобном ключе (и демонстрация лояльности королю в выборе ее манеры, и подчеркивание заслуг перед королевством, возмож-

ность привлекать ведущих придворных художников и т.п.) говорит о росте влияния герцога при дворе. И хотя победа при Меце не была основным фактором подобного возвышения, она, безусловно, была частью образа герцога как в светской интерпретации (полководца и «меча короля»), так и в религиозной (защитник веры и королевства, в том числе, и в борьбе с императором). В публичном образе де Гиза учитывались как подчеркнутые заслуги (с прямым указанием на победы герцога), визуализированные либо прямо (как в случае с созданием медалей, посвященных Мецу), либо инскоказательно (как в случае с росписью капеллы Отеля де Гиз), так и статус (имели значение облик резиденции семьи, внешний облик представителей дома и т.п.). В итоге, как отмечает Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, автор хроник о придворной жизни эпохи Екатерины Медичи, сражавшийся под началом герцога де Гиза, даже представители иностранных держав называли его *Великим герцогом де Гизом*, а его сына в ту пору, когда он был еще юн, – *сыном Великого герцога де Гиза*⁴⁰. Список побед герцога, приводимый Брантомом, внушителен, но Мец упоминается первым. Здесь же приводится еще одна характеристика де Гиза как защитника французских законов и обычаев: когда командующий испанцами Луис Давила обратился к герцогу, желая вернуть своего бежавшего в Мец раба, де Гиз отказал, заявив, что ступивший на французскую землю обретает свободу⁴¹. Брантом подчеркивает превосходство французских законов в христианском контексте, тогда как нравы противника, по его мнению, более приличествуют «язычникам и туркам»⁴². Даже учитывая комплиментарность его текста и симпатии к Гизам в целом, нельзя не признать, что оценка репутации герцога как при жизни, так и после его гибели, вполне правдоподобна. Успех Меца закрепят последующие победы⁴³, прежде всего, взятие Кале в 1558 г.⁴⁴

Примечательно, что значение обороны Меца для прославления Лотарингского дома отмечали и его противники. В памфлете против кардинала Карла Лотарингского Франсуа Отман⁴⁵ обвиняет кардинала Лотарингского, против которого направлен памфлет в том, что тот вовлек королевство в войну с Германией в надежде стать епископом Меца [Шаповалова, 2024, с. 92] и всячески способствовал удовлетворению амбиций старшего брата⁴⁶. Однако данная точка зрения, ставящая под сомнение необходимость обороны города и пользу в свершившейся победе для французской короны, не получила свое развитие.

Более того, оборона Меца как значимое событие в биографии герцога де Гиза и важная часть его публичного образа сохранится и в следующие эпохи. Так, в XVII в. кардинал Ришелье задумывает для галереи своего парижского дворца⁴⁷ серию портретов людей, прославивших Францию⁴⁸. В их число входит и Франциск де Гиз как выдающийся полководец, чей портрет написал Филипп де Шампень⁴⁹, один из любимых художников кардинала. Обращает на себя внимание выбор для иллюстрации побед герцога именно сюжета с Мецем⁵⁰, панораму которого мы видим на дальнем плане (рис. 6).

Рис. 6. Филипп де Шампень. Франциск Лотарингский, второй герцог де Гиз. Между 1630 и 1635. Масло, холст, 218,5×118,5 см, Нанси, Дворец герцогов Лотарингских

Надпись под ногами герцога на портрете кисти Шампеня гласит: *TAM VALIDE METIM PROPUGNAS CAESAR UT INDE FORTUNA INSENSUS CESSERIT IMPERIO* – «Ты так защищал Мец, что Цезарь отрекся от империи»⁵¹. И хотя, безусловно, это было художественным преувеличением, и отречение Карла V не стало следствием неудачной осады города, данная фраза отражает общий смысл заслуг герцога де Гиза.

В описании галереи дворца Ришелье, вышедшем в XVII в.⁵², с иллюстрирующей образ де Гиза гравюрой, победа в Меце – лишь одна из череды его побед, однако и здесь ей уделяется особое внимание. Герцог превозносится как французский Геркулес и защитник веры и королевства.

Даже в XIX в., когда образ Лотарингского дома приобрел во французской культуре преимущественно негативную окраску⁵³, мотив служения королевству применительно к историческим деятелям прошлого позволит интерпретировать фигуру Франциска де Гиза в положительном ключе. Так, к сюжету об обороне Меца обратится Поль Деларош (рис. 7)⁵⁴, выбирая эпизод с хирургом Амбруазом Паре и проявлением благородства герцога по отношению к раненым противникам. Упоминается Мец и в ряде исторических сочинений XIX в., что некоторым образом уравнивало популярный в XIX в. протестантский взгляд на герцога де Гиза как на зачинщика Религиозных войн⁵⁵.

Рис. 7. Поль Деларош. Герцог де Гиз и Амбруаз Паре посещают поле битвы при Меце в 1553 г. Бумага, акварель, 1826; 11,9×22,2 см. Амстердамский исторический музей, коллекция Фодора (фрагмент)

Примечания

¹ В X–XIII вв. власть в городе находилась в руках местных епископов. Наряду с Верденом и Тулем Мец входил в историческую область «Трех епископств», имевшую стратегическое значение и периодически вовлекавшуюся в территориальные конфликты региона. С XIII в. Мец имел статус вольного имперского города, что усилило политическое влияние местных знатных семей. Последнее обстоятельство сыграло свою роль и в XVI в., когда в условиях усилившихся профранцузских настроений в городе Генрих II занял Мец. «Три епископства» были объединены в провинцию, на некоторое время оказавшуюся под контролем Франции.

² *Recueil de traites conclus par la France avec l'Espagne, l'Angleterre, l'Allemagne, l'Italie et les Suisses (1526-1598)*. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Cinq cents de Colbert 36, p. 126

³ Bertrand de Salignac. *Le Siège de Metz*, Paris, 1553, p. A.III

⁴ Одним из примеров может служить дело монаха Шатлена, казненного в 1525 г. [Klippel, 1867, p. 370]. *Осуждение Шатлена и последовавшая за этим казнь спровоцировали волнения в городе, что в свою очередь вызвало недовольство герцога Лотарингии Антуана Доброго* [Culière, 2010, p. 5]

⁵ В одном из писем к герцогу Франциску де Гизу, от 3 февраля 1552 г., отправленном из Меца, прямо говорится, что «по общему мнению, преимущества короля перед императором» зависят от Меца (Lettre de monsieur de Gonnor au dit duc, du 3 fevrier 1552, de Metz. *Mémoires-journaux de François de Lorraine* / par MM. Champollion-Figeac et Aimé Champollion fils, 1839, p. 70). Франциск де Гиз (1520–1563) – сын Клода Лотарингского, первого герцога де Гиза, представитель младшей ветви Лотарингского дома. Вместе с братом, кардиналом Карлом Лотарингским, считался одним из лидеров французских католиков.

⁶ К этому же периоду относится и вмешательство короля Генриха II в дела управления Лотарингским герцогством. Отстранив мать малолетнего герцога Карла III (1543–1608) от регентства, король увозит его в Париж в целях обеспечения потенциальной лояльности.

⁷ В августе 1552 г. в Мец для защиты города прибывает герцог Франциск де Гиз, перед которым стояла непростая задача, учитывая численность наступающего войска императора. (По свидетельству очевидца событий, французского хирурга Амбруаза Паре, Карл V привел к городу более 60 тыс. человек (*Relation du siège de Metz, en 1552*, par Ambroise Paré, Metz, 1847, p. 9)). У императорской армии было также очевидное превосходство в артиллерии [Constant, 1984, p. 26]. В письме к сыну Антуанетта де Бурбон озвучивает тревожность ситуации: «Мой сын, мой друг... Я очень боюсь услышать, что император приближается к Вам: будь это в моей власти, он избрал бы другой путь...» (*Mémoires-journaux de François de Lorraine*, p. 74). Из переписки герцога с королем, коннетаблем де Монморанси и др. во второй половине августа – начале сентября 1552 г. также можно судить о том, какое значение придавалось обороне Меца (*Mémoires-journaux de François de Lorraine*, p. 77–90 и т.д.)

⁸ Принц Генрих вместе со старшим братом оставался при дворе у Карла V в качестве заложника в 1526–1529 гг.

⁹ По мнению П.Ю. Уварова, хотя можно лишь предполагать, как далеко способен был зайти «христианнейший король» в конфликте с папой, конкретные примеры, в частности, деятельность юриста Шарля Дюмулена, в своем имевшем большой резонанс трактате, защищающим права короля от «узурпации», показывают всю серьезность намерений Генриха II [Уваров, 2017, с. 32].

¹⁰ Энрико Катерино Давила (1576–1631) – итальянский государственный деятель, в юности служивший при французском дворе.

¹¹ Коннетабль Анн де Монморанси (1493–1567) был одним из тех, кто организовал «Поход в Германию» Генриха II, в результате чего были завоеваны «Три епископства». Его люди фактически контролировали Мец во время торжественного въезда короля.

¹² *Relation du siège de Metz, en 1552*. P.11

¹³ *Le cinquième des Odes de P. de Ronsard, augmenté. Ensemble la Harangue que fit monseigneur le Duc de Guise aus soudars de Mez le jour qu'il pensoit avoir l'assaut*, Paris, 1553.

¹⁴ *Je suis empesché à remparer, ruyner murailles, apporter icy toutes choses nécessaires et requises pour me fortifier contre l'Empereur, que j'attends icy d'heure à heure...* (*Mémoires-journaux de François de Lorraine*, p. 101)

¹⁵ В своем описании осады Меца Бертран де Салиньяк (один из первых дворян, кто активно поддерживал оборону Меца от посягательств императора) довольно подробно останавливается на обстоятельствах переноса реликвий (Bertrand de Salignac. Op. cit., p. C. II-C. III). О разрушении религиозных сооружений говорится также в *Bref discours du siège de Metz, en Lorraine*, Metz, 1846, p. 2 etc.

¹⁶ *Relation du siège de Metz, en 1552*. P.14

¹⁷ *Relation du siège de Metz, en 1552*. P.25–26

¹⁸ *Description des cinq médailles frappées après la levée du Siège de Metz*. In: *Journal du siège de Metz, en 1552*, p. 147

¹⁹ В честь освобождения от осады германским императором Карлом V, успешной обороны Франциском Лотарингским герцогом де Гизом в 1552 г.

²⁰ Завершение осады происходит в январе 1553 г.

²¹ С XVIII в. – Отель де Субиз. Сегодня здесь расположен Музей национальных архивов (Музей истории Франции). Комплекс, частью которого является бывший Отель де Гиз, основательно перестраивался в XVIII в.

²² Успех в Меце не был главным фактором возвышения Франциска де Гиза при дворе, однако, безусловно, способствовал ему. Что касается интерпретации военных побед в христианском ключе, то в этом вопросе герцог следовал своему отцу, Клоду де Гизу.

²³ *Mirabilis Liber*, 1528, s.p.

²⁴ На сегодняшний день это утраченное произведение, некоторое представление о котором мы можем составить по сохранившимся описаниям, подготовительным рисункам Приматиччо и рисункам Абрахама ван Дипенбека (Abraham van Diepenbeeck after Francesco Primaticcio. *The adoration of the Kings*, 1650. 7 part. Drawing, chalk, paper. Städel Museum, Frankfurt am Main).

²⁵ О росписи капеллы в Отеле де Гиз см. [Шаповалова, 2025]

²⁶ Программа росписи восходит к описанию, которое составил видевший фреску Ш.К. Лебас де Курмон и включивший его в комментарий к изданию «Жизнеописаний» Д. Вазари. Он отмечал, что фреска была частично повреждена

водой. В том числе, и та ее часть, где в виде волхва был изображен герцог Франциск де Гиз (Vasari G. Vie de François Primatice, peintre et architecte. In: Vies des peintres, sculpteurs et architects les plus célèbres. P., 1803. P. 10–11). Еще одно описание принадлежит Антуану Дезалье д'Аржанвиллю (Dezallier d'Argenville A.N. Voyage pittoresque de Paris ou Indication de tout ce qu'il y a de plus beau dans cette grande ville en peinture, sculpture, et architecture. P., 1752. P. 198–199).

²⁷ Гизы не были прямыми потомками Годфруа де Буйона, однако мотив возведения рода к предводителю первого Крестового похода активно использовался в их репрезентации.

²⁸ Le cinquième des odes de P. de Ronsard...

²⁹ *Nicolas Volcyr de Serouville*. L'histoire et recueil de la triumpante et glorieuse victoire obtenue contre les seduyctz et abusez lutheriens mescreans du pays Daulsays et aultres. Paris: G. Du Pre, 1526.

³⁰ *Nicolas Volcyr de Serouville*. L'histoire et recueil de la triumpante..., p. VIII

³¹ *Le cinquième des Odes de P. de Ronsard...*, s.p.

³² Леонар Лимозен. *Триумф евхаристии*, ок. 1560 г. Эмаль на меди. 19,7×25,4 см. Коллекция Фрика, Нью-Йорк.

³³ Можно утверждать, что оба направления восходили к королевским портретам.

³⁴ Тот же прием контрастного сочетания цветов в облике Франциска де Гиза, пусть и в другой технике, использовал Леонар Лимозен (Леонар Лимозен. *Триумф евхаристии...*; Леонар Лимозен. *Портрет Франциска Лотарингского, герцога де Гиза*, 1557. Эмаль на меди. 46,4×31,2. Лувр).

³⁵ Из тканей де Гиз отдавал предпочтение шелку, как в одежде, так и в быту.

³⁶ Общая манера репрезентации представителей политической элиты в придворной визуальной культуре Франции XVI в. может приводить к сложностям идентификации персонажей. Так, аукционный дом Christie's, выставляя портрет Франциска де Гиза (Рис. 4), включил в провенанс картины информацию о более ранней интерпретации образа как изображения короля Генриха II.

³⁷ Клод де Гиз скончался незадолго до этого, в апреле 1550 г.

³⁸ *Mémoires-journaux de François de Lorraine*, par MM. Champollion-Figeac et Aimé Champollion fils, Paris, 1839, p. 42

³⁹ *Le cinquième des Odes de P. de Ronsard...*, s.p.

⁴⁰ *Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille seigneur de Brantôme*. T. 4 / publ. d'après les manuscrits par Ludovic Lalanne, Paris, 1868, p. 187

⁴¹ Ibid., p. 193.

⁴² Ibid., p. 194.

⁴³ Авторы каталога выставки, посвященной 500-летию юбилею короля Генриха II, в описании представленного в экспозиции портрета Франциска де Гиза (рис. 5) отмечают, что к герцог был лучшим полководцем, который мог быть у короля [Henrill à Saint Germain en Laye, 2019, p. 42]

⁴⁴ Город был отвоеван у англичан, которые владели им с XIV в.

⁴⁵ Pamфлет был опубликован в 1560 г. после Амбуазского заговора (попытки протестантов захватить в плен короля Франциска II), направленного против Гизов в период их максимального могущества.

⁴⁶ Современные исследователи отмечают наличие у кардинала Карла Лотарингского устойчивой «черной легенды» [Balsamo, Nicklas, Restif, 2015]. До сегодняшнего дня он остается фигурой противоречивой, в большей степени, чем его старший брат.

⁴⁷ Речь идет о Пале Кардиналь (Пале Рояль), построенном в 20-е гг. XVII в.

⁴⁸ В число выдающихся людей были включены как деятели прошлого, например, аббат Сугерий или знаменитые французские полководцы, так и современники кардинала (прежде всего, представители королевской семьи), а также он сам. Так что выбор персонажей, иллюстрирующих преемственность эпох в деле прославления Франции, представляется чрезвычайно важным для Ришелье и его видения репрезентации собственной политики.

⁴⁹ Картина была приобретена музеем Нанси в 1981 г. В 2007 г. Эрик Муане атрибутировал портрет Шампеню.

⁵⁰ В 1630-е гг. обострились отношения между Францией и Лотарингией, так что данный сюжет вполне соответствовал и актуальной проблематике.

⁵¹ Плохо читаемые фрагменты надписи в ходе реставрационных работ были реконструированы по гравюре Франсуа Биньона.

⁵² Les Portraits des hommes illustres françois qui sont peints dans la gallerie du Palais cardinal de Richelieu, avec leurs principales actions, armes, devises et éloges latins, desseignez et gravez par les sieurs Heince et Bignon, Paris, 1650

⁵³ Этому способствовало множество факторов, в том числе, политических. Не последнюю роль сыграли и писатели-романисты.

⁵⁴ Проект останется незавершенным. Работа Делароша в технике акварели представляет собой уменьшенный вариант, с которого в 1860 г. была опубликована гравюра. Изображение на рис. 2 приводится по изданию: Blanc Ch. *Album des peintres de l'ecole francaise: Ill. de 100 gravures representant les chefs-d'oeuvre des maltres*, Paris: Renouard, s.a.

⁵⁵ Прежде всего, речь идет о «резне в Васси» (1562 г.), когда люди герцога устроили избиение протестантов, и «тирании Гизов» в период непродолжительного правления короля Франциска II (1559–1560). Более того, это повлияло и на закрепление за его сыном образа классического отрицательного героя [Кущева, 2025, с. 66]

Список литературы

Кущева М.В. Образы Генриха I де Гиза в исторической культуре Франции XIX в.: дисс. ... канд. истор. наук (на правах рукописи). – Москва, 2024. – 394 с.

Петрушевич Н. Искусство Франции XV–XVI веков. – Ленинград : Искусство, 1973. – 224 с.

Уваров П.Ю. Под сводами Дворца правосудия. Семь юридических коллизий во Франции XVI века. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 248 с.

Шаповалова Е.В. Французский тигр: о диффамации кардинала Карла Лотарингского в протестантской литературе // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. – 2024. – № 2. – С. 72–95. – DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-72-95

Шаповалова Е.В. Крестовый поход Франциска де Гиза: Парижская резиденция в репрезентации Лотарингского дома // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. – 2025. – № 2. – С. 63–84. –DOI: 10.28995/2658-4158-2025-2-63-84

Шушкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке, Санкт-Петербург : Евразия, 2018. – 542 с.

Энрико Катерино Давила. История Гражданских войн во Франции. Т. I / пер. с итал. Р.Л. Шмаракова. – Санкт-Петербург : Наука, 2023. – 567 с.

Balsamo J., Nicklas Th., Restif B. (dir.). *Un prélat français de la Renaissance. Le cardinal de Lorraine entre Reims et l'Europe*, – Genève : Droz, 2015. – 466 p.

Constant J.-M. *Les Guise*. – Paris : Hachette, 1984. – 266 p.

Cuillère A. Le procès de Jean Châtelain (1525) vu par le graveur lorrain Gabriel Salmon. – *Le Pays Lorrain*, 2, 2010. – P. 5–10.

Durot E. François de Lorraine, Duc de Guise entre Dieu et le Roi. – Paris : Classiques Garnier, 2012. – 884 p.

Durot É. Le récit épistolaire du siège de Metz (1552) par le duc de Guise ou la valorisation de soi. In: *Le récit de guerre comme source d'histoire, de l'Antiquité à nos jours*. – Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2022. – P. 183–194.

Garrisson J. *Royaume Renaissance et Réforme*. – Paris, 1991. – 320 p.

Henri II à Saint Germain en Laye. Une Cour Royale à la Renaissance. – Paris, 2019. – 183 p.

Klipffel H. *Metz, cité épiscopale et impériale (Xe au XVIe siècle). Un épisode de l'histoire du régime municipal dans les villes romanes de l'empire germanique // Mémoires de l'Académie royale de Belgique*, 1867. – T. 19. – P. 1–416.

Meiss-Even M. Le corps paré de François de Guise : le paraître courtisan et ses acteurs dans la France de la Renaissance // *Artefact. Techniques, histoire et sciences humaines*. – 2013. – № 1. – P. 93–106.

Robert Ch. Médailles commémoratives de la défense de Metz en 1552 // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1874, 18–4. – P. 420–441.

References

Balsamo, J., Nicklas, Th., Restif, B. (dir.). *Un prélat français de la Renaissance. Le cardinal de Lorraine entre Reims et l'Europe*, Genève, Droz Publ., 2015. 466 p. (In French)

Constant, J.-M. *Les Guise*. Paris, Hachette Publ., 1984. 266 p. (In French)

Cuillère, A. Le procès de Jean Châtelain (1525) vu par le graveur lorrain Gabriel Salmon. In *Le Pays Lorrain*, 2, 2010, pp. 5–10. (In French)

Durot, É. *François de Lorraine, Duc de Guise entre Dieu et le Roi*. Paris, Classiques Garnier Publ., 2012. 884 p. (In French)

Durot, É. Le récit épistolaire du siège de Metz (1552) par le duc de Guise ou la valorisation de soi. In *Le récit de guerre comme source d'histoire, de l'Antiquité à nos jours*. Besançon. Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 2022, pp. 183–194. (In French)

Enriko Katerino Davila. *Istoriya Grazhdanskih vojn vo Francii. T. I [History of the French Civil Wars. Vol. I]*. Transl. from Italian by R.L. Shmarakov. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2023. 567 p. (In Russ.)

Garrisson, J. *Royaume Renaissance et Réforme*. Paris, 1991. 320 p. (In French)

Henri II à Saint Germain en Laye. *Une Cour Royale à la Renaissance*. Paris, 2019. 183 p. (In French)

Klipffel, H. Metz, cité épiscopale et impériale (Xe au XVIe siècle). Un épisode de l'histoire du régime municipal dans les villes romanes de l'empire germanique. In *Mémoires de l'Académie royale de Belgique*, 1867. T. 19, pp. 1–416. (In French)

Kushcheva, M.V. *Obrazy Genriha I de Giza v istoricheskoy kul'ture Francii XIX v. [Images of Henry I de Guise in the Historical Culture of 19-Century France] : Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences (on the rights of a manuscript)*. Moscow, 2024. 394 p. (In Russ.)

Meiss-Even, M. Le corps paré de François de Guise : le paraître courtisan et ses acteurs dans la France de la Renaissance. In *Artefact. Techniques, histoire et sciences humaines*, no. 1, 2013, pp. 93–106. (In French)

Petrusevich, N. *Iskusstvo Francii XV – XVI vekov [Art of France XV–XVI Centuries]*, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1973. 224 p. (In Russ.)

Robert, Ch. Médailles commémoratives de la défense de Metz en 1552. In *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1874, 18-4, pp. 420–441. (In French)

Shapovalova, E.V. Francuzskij tigr: o diffamacii kardinala Karla Lotaringskogo v protestantskoj literature [The French Tiger: On the Defamation of Cardinal Charles of Lorraine in Protestant Literature]. In *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, 2024, pp. 72–95. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-72-95 (In Russ.)

Shapovalova, E.V. Krestovyy pohod Franciska de Giza: Parizhskaya rezidenciya v reprezentacii Lotaringskogo doma [The Crusade of Francois de Guise. Parisian Residence in the Representation of the House of Lorraine]. In *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, 2025, pp. 63–84. DOI: 10.28995/2658-4158-2025-2-63-84 (In Russ.)

Shishkin, V.V. Francuzskij korolevskij dvor v XVI veke [The French Royal Court in the 16th Century]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2018. 542 p. (In Russ.)

Uvarov, P.Yu. Pod svodami Dvorca pravosudiya. Sem' yuridicheskikh kollizij vo Francii XVI veka [Under the Vaults of the Palace of Justice. Seven Legal Controversies in 16th Century France]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 248 p. (In Russ.)